

ДРЕВНЕНОВГОРОДСКИЙ ДИАЛЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТНОГО
ЧЛЕНЕНИЯ ПОЗДНЕГО ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Берестяные грамоты открыли перед лингвистами картину древненовгородского диалекта XI-XV вв., которая не могла быть восстановлена на основании известных ранее фактов (между тем в свете берестяных грамот многие свидетельства старых памятников и современных говоров получают ясный смысл).

К концу 1986 г. в Новгороде было найдено 680 берестяных грамот (тот же диалект отражают и 23 грамоты из Старой Руссы). Совокупная длина этого корпуса текстов достигла уже около 10400 слов (без учета цифр; для сравнения укажем, что, например, длина Пространной Русской Правды - около 3900 слов). Объем словаря берестяных грамот достиг 2400 лексем.

Уникальность берестяных грамот как лингвистического источника определяется: 1) их древностью; 2) их подлинностью; 3) близостью их языка к живой разговорной речи; 4) неофициальным, бытовым характером содержания подавляющего их большинства; 5) вполне удовлетворительной для лингвистических целей точностью их археологического (прежде всего дендрохронологического) датирования - в среднем порядка четверти века. Особо ценны грамоты раннего периода (XI - начало XIII в.); их более 250. Вопреки распространенному заблуждению, берестяные документы не являются малограмотными записями. Напротив, большинство из них написано тщательно и с умением; особенность лишь в том, что их графико-орфографические системы часто отличаются от книжной - в основном взаимозаменяемостью букв *ъ* и *о* и букв *ь* и *е* (или *ѣ*, *ь* и *е*).

Необходимо подчеркнуть, что ранний древненовгородский диалект — это вторая по времени после старославянского зафиксированная письменно форма славянской речи. Если же учесть литературный и переводной характер старославянских текстов, то древненовгородский диалект оказывается древнейшей формой повседневной, не литературной славянской речи, непосредственно отраженной сколько-нибудь представительным корпусом записей. Для сравнения напомним, что обычную ("стандартную") форму древнерусского языка из подлинных документов XI — начала XIII в. представляют в сущности лишь Мстиславова грамота (ок. 1130 г., 156 слов) и запись о покупке Бояновой земли на стене киевского Софийского собора (XII в., 64 слова), причем и эти два текста носят официальный характер и потому не могут быть прямым отражением разговорной речи. Все прочие памятники данной формы языка списаны (или созданы) в более позднюю эпоху.

Анализ берестяных грамот, ряда других памятников (пергаменных грамот, летописей) и современных диалектологических данных позволяет заключить, что в древней Новгородской земле отчетливо различались западные говоры (соотносимые с псковскими кривичами) и восточные (соотносимые с ильменскими словенами). Сам Новгород и прилегающие к нему районы находился в зоне контакта этих двух групп говоров. Этот контакт начался не позднее IX в. и был весьма интенсивен; соответственно, на протяжении нескольких веков здесь складывался особый смешанный тип говоров, в котором соединился ряд важнейших западных черт с некоторыми восточными. Именно он отражен в подавляющем большинстве берестяных грамот и может быть обозначен как древненовгородский диалект в узком смысле слова. В период независимости древненовгородского государства этот диалект, по-видимому, приобрел также функции общеновгородского койне, т.е. мог в той или иной мере использоваться во всех областях государства (в особенности в городах).

Одним из главных сюрпризов, которые принесло изучение берестяных грамот, оказался тот факт, что максимум диалектной специфики (всех уровней) обнаруживают не поздние, а ранние берестяные грамоты. Иначе говоря, древненовгородский диалект в XI — XII вв. отличался от "стандартного" древнерусского заметно сильнее, чем в XIV — XV вв. Сближение реализовалось здесь в основном в форме постепенного роста в древненовгородском диалекте удельного веса ильменско-словенских элементов (которые с самого начала гораздо меньше отличались от "стандартного" древнерусского, чем севернокривичские).

Такая картина эволюции означает, что формирование характерных особенностей древненовгородского диалекта относится к очень древней эпохе (в большинстве случаев дописменной), т.е. мы сталкиваемся здесь с проблематикой процессов, обусловивших расщепление позднего праславянского языка.

Ниже кратко рассматриваются важнейшие конкретные черты древненовгородского диалекта. Поскольку в настоящей работе нас прежде всего интересуют древнейшие диалектные соотношения, основное внимание уделено тем особенностям, кото-

рые отражены уже в ранних берестяных грамотах, т.е. сформировались не позднее XII в.

1. В сфере исторической фонетики главная отличительная черта древненовгородского диалекта - отсутствие эффекта так наз. второй палатализации заднеязычных (Зализняк 1986, § 25-28), ср. *кѣл*- 'целый', *хѣр*- 'серый', на *Лугѣ*, на *Нѣхъкѣ* и т.п. (здесь и ниже древненовгородские примеры для упрощения приводятся в нормализованной графике). Данные берестяных грамот с полной определенностью подтвердили в этом пункте тезис С.М.Глускиной об отсутствии второй палатализации в северо-западных говорах русского языка (Глускина 1966). Как показывают современные диалектные данные (прежде всего характер распространения корней *кѣп*- 'цеп', *кѣд*- 'цедить', *кѣв*- 'цевка'), эта черта принадлежала в первую очередь западным говорам. Иначе говоря, в состав древненовгородского диалекта она вошла со стороны северных кривичей.

Отсутствие второй палатализации отличает древний севернокривичский и древненовгородский диалекты не только от остальных восточнославянских, но и от всех прочих славянских вообще. Очевидно, предки кривичей (по крайней мере северных) отделились от основного массива славян раньше, чем осуществился процесс второй палатализации.

Что касается ильменско-словенских говоров (не смешанных), то для них диалектные данные заставляют предполагать наличие второй палатализации. По крайней мере в корнях этот эффект здесь вполне регулярен. На стыке основы и окончания, по-видимому, очень рано началось выравнивание основы, устранившее данный эффект. Вполне вероятно, что раньше всего это выравнивание осуществилось в говорах, соприкасавшихся с севернокривичскими. Но следует учитывать также, что тенденция к выравниванию основы могла иметь и более древние истоки - общие со словенским языком, где рано произошло точно такое же выравнивание (ср. также постепенное развитие этого процесса во многих сербскохорватских говорах и в словацком).

2. В древненовгородском диалекте не было также палатализации в сочетаниях **kv*, **gv* в позиции перед *ѣ*, *i*, *ь*, ср. *кѣт*- 'цвет', *гѣзда* 'звезда'. По данным диалектологии, это тоже черта севернокривичских говоров (непосредственно совпадавших здесь с западнославянскими языками). В ильменско-словенских говорах (не смешанных) в этих случаях выступал обычный для южных и восточных славянских языков рефлекс (*ц*, *з*).

3. Фонема *x* не подверглась в древненовгородском диалекте так наз. третьей палатализации. Практически это сводится к тому, что слово 'весь' сохранило здесь основу *въх*- во всей парадигме, например: *въхо* 'всё', *въху*, *въхѣ*, *въхѣмь*. Из системных соображений эту особенность тоже естественно связывать с западными говорами; ср. также отмеченную в писцовых книгах XV в. деревню *Вховехъ* (< *Въховѣхъ*) в Дубровенском погосте Шелонской пятины, близ границы с Псковской землей.

4. В древних севернокривичских говорах праславянские **tl*, **dl* дали *кл*, *гл*. Попытки ряда исследователей объяснить соответствующие примеры вторичными процессами в нас-

тоящее время должны быть отвергнуты: материал здесь давно уже не ограничивается словоформами перфекта типа *сустрѣк-ли*, *блугли*, а включает также значительное число имен (и продолжает расти по мере новых изысканий): *жерегло*, *жагло*, *егла* (и *егль*), *мочигло* 'болото', *клевц* 'лещ', кроме того, отмеченные в источниках XV в. топонимы *Еглино*, *Егольское*, *Виглино*, *На Пияглицях* (ср. пошехонское *вопиялица* 'пиявка'), *Сеглица* (ср. польск. *Siedlice*, *Siedlce* и т.п.), *Суглица* (ср. чешск. *sudlice* 'сулица', 'рогатина') и др., антропоним *игличинич*. В лингвистической литературе указаны также эстонские *vigel* (Р.ед. *vigla*) 'вилы', *muigel* (Р.ед. *muigla*) 'жидкое мыло', 'щелок', явно заимствованные из древнепсковского. Сохранение взрывного элемента в сочетаниях *tl, *dl очевидным образом связывает севернокривичские говоры с западнославянскими языками. В ильменско-словенских говорах (не смешанных) *tl, *dl дали л - как в южнославянской группе и в основной части восточнославянской.

В древненовгородском диалекте, по-видимому, существовали оба типа рефлексов (например, *привегли* и *привели*); материал берестяных грамот по данному пункту пока еще слишком ограничен. Обследование топонимики новгородских пятин, отраженной писцовыми книгами XV в., показывает, что топонимы с *кл*, *гл* (типа *Клешино*, *Еглино*, *Виглино*) встречались во всех пяти пятинах. При этом, однако, в восточных пятинах (Бежецкой, Деревской, Обонежской) с ними активно конкурировали топонимы с *л* (типа *Лещево*, *Елино*, *Еловица*, *Вилино*), тогда как в западных пятинах (Шелонской и Водской) таких топонимов практически не было. Можно полагать, что в самый ранний период словоформы с *кл*, *гл* были распространены в древненовгородском диалекте достаточно широко, но в дальнейшем их почти полностью вытеснили словоформы с *л*.

5. Инновацией, охватившей всю территорию древненовгородского государства, было совпадение фонем *ц* и *ч* (цоканье). Как берестяные, так и пергаменные памятники ярко отражают это явление с самого начала письменной эпохи.

В севернокривичских говорах развилось также смещение *с'*, *з'* соответственно с *ш'* и *ж'*. В древненовгородский диалект оно проникло лишь в незначительной степени (имеется всего несколько берестяных грамот, где отразилось это явление).

6. Согласно убедительной гипотезе С.Л. Николаева, в древнекривичском диалекте праславянские *tj, *dj, *sj, *zj дали соответственно *k'*, *g'*, *x'* и *ʃ'*, которые впоследствии перед задними гласными отвердели (отсюда, например, псковские диалектные *сустрекать* 'встречать', *рогать* 'рожать', *вѣхать* 'вешать'). Такое развитие означает совпадение рефлексов *tj и *dj с *k* и *g*, находящимися "в позиции второй палатализации" (т.е. перед *ѣ* или *і*). В славянском мире эта особенность представлена только в западнославянских языках; ср., например, польск. *świeca* (*c < tj*) и *rżese* (*c < k*). Разница лишь в том, что в этих языках эволюция продвинулась на шаг дальше, чем в древнекривичском: возникли свистящие. Таким образом, древнекривичский диалект отражает в данном пункте не что иное, как древнейшее состояние той же системы, которая характеризует западнославянские языки. Ильменско-словенские говоры имели в рассматриваемых

случаях обычные для восточнославянской зоны рефлексy: ч (= ц в силу цоканья), ж, ш, ж.

Древненовгородский диалект, судя по показаниям берестяных грамот и других источников, в основном воспринял в данном пункте ильменско-словенские рефлексy; ср. уже в древнейших берестяных грамотах такие примеры, как *хоцy* (или *хоцyю*), *прижажи*, *прашаи*, *кожою* и т.п.

Лишь в одном частном случае рефлексy кривичского типа получили значительное распространение. Речь идет о сочетаниях *stj и *zdj (с которыми совпали также соответственно *skj и *zдж): их кривичские рефлексy были, очевидно, [ш'к'] и [ж'г'], ильменско-словенские - [ш'ч'] (= [с'ц']) и [ж'дж'] Как можно полагать, в древненовгородском диалекте рефлексy обоого рода сосуществовали. Для звонкого сочетания свидетельством допустимости [ж'г'] является написание жг, известное из очень многих древненовгородских памятников, в том числе даже церковных. Для глухого сочетания аналогичным свидетельством служат случаи взаимной мены ц и шк, отмеченные в берестяных грамотах и в летописи (Зализняк 1986, § 30); они говорят о том, что ц могло читаться как [ш'к'].

7. Ранние берестяные грамоты недвусмысленно указывают на то, что в древненовгородском диалекте праславянские сочетания типа *tvrt перешли в тип тврѣт; ср. уже в древнейших грамотах такие примеры, как *смърѣди*, *смърѣда*, *жълѣтое*, *кълѣткѣ*, *Тврѣцина*, *Мълѣвотицѣхъ*, *Чърѣнка* и т.п. В дальнейшем вторая гласная таких сочетаний "прояснилась" или падала по общим правилам для редуцированных; отсюда чередования типа *бороть* - *борти*, *верех* - *верха*.

Судя по диалектологическим данным, очагом этой инновации являются севернокривичские говоры. Отсюда она распространилась на древненовгородский диалект. Восточной части ильменско-словенских говоров она практически чужда.

8. Для древненовгородского диалекта был характерен переход *вл' > л'* (например, *Иколь*, *присталивати*); в ряде слов отмечен также переход *мл' > н'* (например, *на зени*, *енючи*; в слове *захонье* 'захолье' представлен аналогичный переход при исходном *лм'*). Диалектные данные указывают на севернокривичское происхождение этих инноваций. Не исключено, что тенденция к устранению сочетаний *вл'*, *мл'* находится в некоторой отдаленной связи с отсутствием таких сочетаний (кроме позиции начала морфемы) в древних диалектах западнославянской зоны.

9. По данным диалектологии, сочетания *vjv развивалось в одних кривичских говорах в *ий*, в других в *эй*; в ильменско-словенских говорах оно давало *ой*. Хотя это различие отчетливо проявляется лишь после падения редуцированных, его предпосылки несомненно сформировались существенно раньше. Как показывают берестяные грамоты (и другие источники), в древненовгородском диалекте сосуществовали все эти рефлексy, но преобладал западный рефлекс *ий* (встречался также его стяженный вариант: *и*), например, *голуби*, *други*.

10. В древнекривичском диалекте фонема *ѣ* реализовалась как относительно открытая гласная (или дифтонг с открытым конечным элементом), в ильменско-словенском - как закрытая гласная (или дифтонг с закрытым конечным элементом). Первый сближался, таким образом, в этом пункте прежде все-

го с польским, второй - с древним южнорусским, словенским и сербскохорватским. В древненовгородском койне XIV-XV вв., вероятно, преобладала реализация восточного типа.

11. В ильменско-словенских говорах в какой-то момент их истории сформировалось противопоставление фонем δ (закрытого) и ɔ (открытого), причем распределение этих фонем, как было установлено еще Л.Л.Васильевым и А.А.Шахматовым, практически тождественно распределению фонем ɔ и ɔ в словенском языке. Вполне допустимо, таким образом, предположение о генетическом единстве истоков данного распределения. Напротив, в говорах кривичского происхождения данное противопоставление, по-видимому, вообще не сформировалось. В древненовгородском койне XIV-XV вв., вероятно, преобладала система с различием δ и ɔ .

12. Самая яркая морфологическая особенность древненовгородского диалекта - окончание *-e* в И.ед. (но не в В.ед.!) мужского рода твердого *o*-склонения. Оно представлено не только у существительных, но также у прилагательных, местоимений, причастий, в именной части перфекта, например: *Петре, смърде, хлѣбе, свободѣне, саме, погублене, привезле, възале*. Эффект первой палатализации перед этим окончанием отсутствует (т.е. его здесь не было или он был утрачен в результате выравнивания основы); примеры: *Уенѣге, замѣке, лихе, вѣхе* 'весь'; особый интерес в этом отношении представляет словоформа *ке-то* 'кто' (ср. *кѣ-то* в остальных славянских диалектах).

В берестяных грамотах XI - нач. XIII в. окончание *-e* безусловно господствует; окончание *-ѣ* встретилось в этот период лишь в очень немногих грамотах, причем часть из них ориентирована на книжный язык или написана не новгородцами. В XIII-XV вв. процент примеров с окончанием *-ѣ* постепенно повышается, однако даже и в XV в. окончание *-e* все еще преобладает.

В *и*-склонении в И.ед. во все периоды представлено только окончание *-ѣ*: *поль, синѣ*. В И.ед. *jo*-склонения выступает *-ѣ* (не *-e*), например, *господарѣ, конѣ*.

Данные исторической и современной диалектологии указывают на то, что окончание И.ед. *-e* было свойственно в первую очередь севернокривичским говорам и именно из них вошла в древненовгородский диалект. Словоформа *псе* 'пёс' дожила в псковских говорах до наших дней. Ильменско-словенские говоры (не смешанные) имели в И.ед. окончание *-ѣ*.

Показания берестяных грамот заставили отвергнуть ряд предлагавшихся ранее гипотез о происхождении псковско-новгородского окончания *-e* в И.ед.

Все гипотезы о развитии конечного *-ѣ* в *-e* чисто фонетическим путем отпали ввиду того, что ни в каких других грамматических формах, кроме И.ед. *o*-склонения, перехода *-ѣ* в *-e* не было; ср. последовательное сохранение *-ѣ* в В.ед., Р.мн., Д.мн., М.мн. и т.д., в словоформе *къѣ*, в И.ед. *и*-склонения (*синѣ* и т.д.), в И.ед. причастий типа *давѣ*, *възъмѣ* (< **dāvus*, **uzimus*).

Гипотеза о слиянии конечного *-ѣ* со связкой **je* (или **e*), типа **bylv je* > *byle*, не может объяснить: 1) каким образом окончание *-e*, которое при такой предыстории должно было стать показателем предикативности, смогло вытес-

нить -ѵ у существительных и местоимений (ср. *хлѣбе, Петре* и т.п., *вѣхе, самѣ, кѣто*); 2) почему процесс смены окончаний в И.ед. захватил о-склонение (*хлѣбе*) и не захватил и-склонения (*синь*), *јо*-склонения (*конь*) и причастий типа *давѣ, вѣзьмѣ*.

Гипотеза о происхождении -е из звательной формы наиболее успешно противостоит указанным выше трудностям. Однако она заставляет нас предположить, что окончание звательной формы, первоначально актуальное лишь для части существительных, смогло вытеснить исконное окончание именительного падежа не только у всех существительных, но также у местоимений, прилагательных и причастий. Едва ли можно указать какие-либо типологические аналогии подобной экспансии.

С нашей точки зрения, в настоящее время имеется лишь две жизнеспособные гипотезы относительно рассматриваемого окончания.

Вяч.Вс.Иванов выдвинул гипотезу (Иванов 1985) о том, что древненовгородские формы на -е восходят к праиндоевропейскому *casus indefinitus*, следы которого сохранились в хеттском, тохарском и некоторых других языках (отсутствие эффекта первой палатализации должно быть объяснено ранним выравниванием основы). Определенную трудность составляет здесь необходимость признания того, что этот глубокий архаизм сохранился только в одном из древних славянских диалектов, не оставив следов в других диалектах. Дополнительного объяснения требует также отсутствие -е в *јо*-склонении.

Другая гипотеза (основная идея которой возникла при обсуждении данной проблемы С.Л.Николаевым, В.А.Дыбо и автором настоящей работы) состоит в том, что праславянское конечное *-os первоначально дало не -ѵ, а гласную типа -э (среднего ряда). Впоследствии *-э совпало с -ѵ во всех древних славянских диалектах, кроме севернокривичского, где оно дало -е. Что касается *-jos, то его рефлекс повсеместно совпал с -ѵ. Совпадение севернокривичского рефлекса такого *э с обычным (т.е. смягчающим) е произошло позднее первой палатализации и раньше появления псковского яканья: "якающие" написания типа *Иевя, дворл* (< *Иеве, дѣбре*) в псковских памятниках показывают, что конечная согласная основы здесь уже была смягчена.

Саму возможность сохранения особого рефлекса лишь в одном из многих диалектов подтверждает, например, история *-ѡ, которое дало особый рефлекс (в конечном счете -ѡ) лишь в сербскохорватском, а у остальных славян совпало с -ѵ.

К сожалению, других классов словоформ с конечным *-os, на которых можно было бы проверить данную гипотезу, практически нет. На *-os оканчивались *s-neutra* типа *слово*, однако как раз в восточнославянской зоне они чрезвычайно рано перешли в тип *o-neutra* (с Р.ед. *слова* вместо *словесе* и т.д.), т.е. утратили свою специфику. Окончания 1 лица мн. числа презенса (см. ниже, п. 24) несколько напоминают окончания И.ед. муж.: ср. псковско-новгородское -ме с -мь в большинстве других диалектов. Тем не менее эта форма все же непоказательна, поскольку в праславянском она несомненно была вариативной: существовали еще варианты -мо, -ми (с другой стороны, -ме представлено также и за пределами кривичского ареала).

При данной гипотезе отпадает необходимость предполагать аналогическое выравнивание основы в словоформах И.ед. типа *замѣке, въхе, кето*. Однако для древненовгородских звательных форм типа *Марке, братке, архистратиге* (которые, как и И.ед., обнаруживают *к, г, х, а* не *ч, ж, ш*) предположение о выравнивании основы остается необходимым (или следует признать здесь просто совпадение звательной формы с И.ед.).

Независимо от того, какая из двух указанных гипотез ближе к истине, окончание *-е* в И.ед. — это особенность, выделяющая древний севернокривичский диалект среди всех остальных славянских, причем ее истоки восходят по меньшей мере к праславянской эпохе.

13. Уменьшительные с суф. *-ѡк-* от имен собственных *о-скю-*нения в раннем древненовгородском диалекте морфологически оформлены как *masculina* (не как *neutra*), например: *Жадѡке, Жирѡке, Иванѡке* и т.п. (не *Жадѡко* и т.п.). Эта черта севернокривичского происхождения. Как *masculina* такие имена обычно оформляются также в западнославянских языках, ср., например, польск. *Janek, Wojtek* и т.п. В ильменско-словенских говорах (не смешанных) имена этой группы оформлялись как *neutra*: *Иванѡко* и т.п. Такое же оформление представлено в Юго-Западной Руси и в южнославянских языках.

14. В ранних берестяных грамотах в Д.ед. муж.р. у имен собственных и терминов родства с окончанием *-у* конкурирует *-ови*, например: *мужеви, Рожьнѡтови, Вишькови, Михалеви*. В грамотах XI — нач. XII в. окончание *-ови* даже преобладает. Напротив, в грамотах XIII-XV вв. этого окончания уже практически нет.

Данные исторической диалектологии показывают, что окончание *-ови* вошло в древненовгородский диалект из западных говоров. Эта инновация очевидным образом связывает древнекривичский диалект, с одной стороны, с Юго-Западной Русью, с другой — с западнославянскими языками. Ильменско-словенским говорам (не смешанным) окончание *-ови* было чуждо (оно практически исчезло здесь даже у слов прежнего *и-склонения*). В этом отношении они совпадают с сербско-хорватским языком и с основной массой говоров словенского языка.

15. В Р., Д. и М. падежах *а-склонения*, в отличие от "стандартной" древнерусской системы — Р.ед. *кунѣ, землѣ*, Д.М.ед. *кунѣ, земли*, — в раннем древненовгородском диалекте выступает существенно иная система: Р.ед. *кунѣ, землѣ*, Д.М.ед. *кунѣ, землѣ* (с полностью обобщенным окончанием *-ѣ*). В берестяных грамотах XI — нач. XIII в. (по данным на 1986 г.) в Д.М.ед. отклонений от этой системы еще нет вообще, а в Р.ед. отмечено, если не считать грамот книжного характера или новгородского происхождения, лишь два примера с *-и* в твердом варианте (из более, чем 80) и два с *-и* в мягком (из 24). В XIII-XV вв. количество отклонений от указанной ранней системы постепенно возрастает.

Ранняя древненовгородская система *а-склонения* не может быть непосредственно отождествлена ни с древней севернокривичской, ни с древней ильменско-словенской.

Для псковских говоров реконструируются по меньшей мере две относительно ранние системы: 1) Р.ед. *кунѣ, земли*, Д.М.ед. *кунѣ, земли*; 2) Р.ед. *кунѣ, земли*, Д.М.ед. *кунѣ, зем-*

ли. Для системы 1 характерно частичное, для системы 2 - полное совпадение Р.ед. с Д.М.ед. В этих системах *ja*-склонение уподобляется *i*-склонению (земли как соли), тогда как твердый и мягкий варианты различаются. Сходный путь развития (со взаимовлиянием *ja*- и *i*-склонений) представлен в западнославянских языках; ср. в особенности систему, сложившуюся в северо-восточных польских говорах и в литературном польском: Р.ед. *trawy, ziemi, soli*, Д.М.ед. *trawie, ziemi, soli*.

Для восточных ильменско-словенских говоров реконструируется система, вошедшая впоследствии в литературный язык: Р.ед. *куна, земли*, Д.М.ед. *кунѣ, землѣ*. В ней сохранено различие падежей, но унифицированы окончания твердого и мягкого вариантов. В более западных районах, в частности, близ Селигера, существуют говоры с системой аналогичного типа, в которой, однако, обобщены окончания мягкого варианта: Р.ед. *женѣ, землѣ*, Д.М.ед. *женѣ, землѣ*. Очевидно, древней ильменско-словенской системе была свойственна тенденция к унификации твердого и мягкого вариантов, при сохранении противопоставления падежей. Это тот же тип развития, который характерен для словенско-сербской зоны. В этой зоне отчетливо преобладает выравнивание по мягкому варианту; однако имеются и такие группы говоров, где выравнивание проходило по твердому варианту.

Древненовгородская система XI-XII вв. соединяет в себе инновационные тенденции севернокривичской и ильменско-словенской систем, причем обе эти тенденции доведены здесь до своего логического завершения: совпали окончания как разных падежей, так и разных вариантов склонения (твердого и мягкого). Новое окончание *-ѣ* в Д.М.ед. типа *землѣ* явно имеет восточное происхождение. Что касается окончания *-ѣ* в Р.ед. типа *кунѣ*, то к этой инновации ведет как развитие "селигерского" типа (выравнивание по мягкому варианту), так и севернокривичская тенденция к совпадению Р.ед. с Д.М.ед. Итак, если само появление новых форм (Д.М.ед. типа *землѣ* и Р.ед. типа *кунѣ*) и можно приписать ильменско-словенским механизмам выравнивания между твердым и мягким вариантами, то разнонаправленность этого выравнивания в разных падежах можно объяснить только воздействием севернокривичской тенденции к совпадению падежей.

16. В сочетаниях с *три, четыре* И.В.мн. *a*-склонения всегда имел в древненовгородском диалекте окончание *-ѣ*: *три гривнѣ, четыре кунѣ, три кадѣцѣ* (от *кадѣца*) и т.п. (Это окончание поддерживалось здесь также исконным *-ѣ* в сочетаниях типа *двѣѣ кунѣ*.)

Вне сочетаний с числительными в И.В.мн. *a*-склонения обычно тоже выступало окончание *-ѣ*, но в твердом варианте в этом случае встречалось также (хотя и реже) окончание *-и*; например: *кунѣ* и реже *куни*.

Замены исконного *-и* на *-ѣ* в Р.ед. (*бес кунѣ*), в И.В.мн. с *три, четыре* (*три кунѣ*) и в И.В.мн. без числительного (*кунѣ*) системно связаны между собой; сочетания с *три, четыре* образуют в этой цепочке как бы среднее звено (ср. наступившее впоследствии переосмысление таких сочетаний как содержащих Р.ед., а не И.В.мн.). Наиболее вероятным очагом этой цепочки инноваций являются западные ильмен-

ско-словенские говоры, находившиеся в контакте с кривичскими. В составе древненовгородского койне в первых двух случаях окончание *-ѣ* было обязательным, а в третьем — факкультативным.

Вся эта группа инноваций очевидным образом сходна с соответствующими инновациями в словенско-сербской зоне (где в И.В.мн. *a*-склонения очень рано обобщилось окончание мягкого варианта).

17. В древненовгородском диалекте рано выявилась тенденция к замене *-и* на *-ѣ* также в В.мн. у *o*-masculina и далее, к введению такого же *-ѣ* и в И.мн. этого класса имен (вместо исконного *-и*).

Материал берестяных грамот (заметно пополнившийся в данном пункте за счет находок 1984–1986 гг.) показывает, что в В.мн. новое окончание *-ѣ* в XII в., по-видимому, уже преобладало над *-и*, а в И.мн. (у существительных) оно конкурировало с *-и*. Однако в перфект новое окончание *-лѣ* (вместо исконного *-ли*) проникает лишь существенно позже — в начале XIV в.

Развитие окончания *-ѣ* в В.мн. муж.р. сходно, как и в случае с формами *a*-склонения, с аналогичным процессом в словенско-сербской зоне. Распространение этого окончания на И.мн. — более поздняя локальная новгородская инновация.

Заметим, что сходная тенденция получила определенное развитие также в ряде южнобелорусских говоров, где отмечают словоформы И.В.мн. типа *дубѣ*, *сталѣ* и (реже) типа *хусткѣ* (ДАБМ, карты №95 и 99). Здесь, однако, это сравнительно позднее явление (что видно из твердости *л* в *сталѣ* и т.п.); генетической связи с древненовгородской эволюцией в данном случае, вероятно, нет.

18. В древненовгородском диалекте раннего периода представлена чрезвычайно архаичная система членного склонения прилагательных: почти во всех формах, имеющих в именном склонении однофонемное окончание, в членном склонении выступает то же самое окончание + соответствующая форма (полная или сокращенная) местоимения **jb*. Отметим некоторые из древнейших окончаний (в твердом варианте): жен.р. — Р.ед. *-ѣѣ*, Д.М.ед. *-ѣи*, И.В.мн. *-ѣѣ*; муж. и ср.р. — Р.ед. *-аго*, М.ед. *-ѣмь*. Влияния местоименного склонения в начале письменной эпохи еще практически нет (в отличие от "стандартного" древнерусского, где очень рано появляются, в частности, окончания *-оѣ*, *-ои*, *-ого*, *-омь*). В данном отношении древненовгородский может быть сопоставлен по архаичности только со старославянским. Показательно, что в членном склонении прилагательных успели отразиться такие инновации, как *-ѣ* в Р.ед. и И.В.мн. жен.р. Это указывает, с одной стороны, на очень раннее появление этих инноваций, с другой стороны, на длительное сохранение отчетливой морфологической членности форм адъективного склонения.

Самое раннее из наблюдаемых в этой сфере изменений состоит в том, что уже в XI–XII вв. в Р.ед.жен. наряду с *-ѣѣ* появляется *-ѣи*, т.е. вариант, совпадающий с Д.М.ед. жен. Аналогичный процесс происходит и в местоименном склонении, ср. Р.ед. *еи*, *у неи* в берестяных грамотах XII в. Таким образом, в женском роде совпадение Р.ед. с Д.М.ед. захватывает уже не только именное, но также адъективное и

местоименное склонения. Очагом такого развития являются западные говоры. В восточных говорах Р.ед. жен. сохранял двусложные окончания (не совпадающие с Д.М.ед.). Для сравнения укажем, что совпадение Р.ед. жен. с Д.М.ед. в адъективном и местоименном склонениях - характерная черта западнославянских языков, их несовпадение - черта южнославянских языков и украинского.

Лишь с рубежа XII и XIII вв. в берестяных грамотах обнаруживаются первые признаки влияния местоименного склонения на адъективное. Так, окончания *-oi* (*-ei*) в М.ед. жен. адъективного склонения и *-emь* в М.ед. муж. впервые отмечены на рубеже XII и XIII вв., *-ого* в Р.ед. муж. - в конце XIII в., *-oi* в Р.ед. жен. - в начале XIV в. (впрочем, материал берестяных грамот здесь пока еще весьма ограничен). Отметим, что адъективного окончания Р.ед. жен. *-oѣ* древненовгородский диалект не знал вообще.

19. Большой интерес представляет отмеченное в нескольких берестяных грамотах окончание Р.ед. *-ога* (вначале в местоименном, позднее и в адъективном склонении): *моєга* №82 (конец XII в.), *тога* №222 и 227 (рубеж XII и XIII вв.), *боургалскога* №288 (1-я пол. XIV в.). В современных говорах окончание *-ога* (*молодѡва*, *стѡрова* и т.п.) наблюдается только в районах, входящих в древнюю территорию расселения ильменских словен. Ср. также в памятниках, переписанных на севере Руси: *другога*, *оу города Вручѡга* в Лаврентьевском списке летописи (под 945 и 977 г.), *осмога*, *милога* в Ипатьевском списке (под 1074 и 1202 г.). Таким образом, спорадическое *-ога* в берестяных грамотах - это ильменско-словенская черта. В древненовгородском койне это окончание, по-видимому, всего лишь допускалось; нормой все же было *-ого* в местоименном склонении и *-аго* (позднее *-ого*) в адъективном.

Замена *-ого* на *-ога* (под влиянием именного склонения) - инновация, общая у древних ильменско-словенских говоров со словенским и сербскохорватским языками (где эта инновация отмечается с самого начала письменной истории, в частности, во Фрейзингенских отрывках) и неизвестная остальной части славянского мира.

20. В притяжательных прилагательных на *-ин-* от основ на *к*, *г*, *х* в древненовгородском диалекте уже в дописьменную эпоху был аналогическим путем устранен эффект первой палатализации, например: *Настѣкин-*, *Лукин-*, *Михин-*. Эта инновация очевидным образом связана с отсутствием чередований в *а*-склонении: ср. такую же особенность в словенском и словацком языках, где тоже нет чередований в *а*-склонении; в языках, где эти чередования сохранились, данной инновации нет (как, например, в чешском) или она проведена лишь частично (как, например, в сербскохорватском). В Юго-Западной Руси данной инновации не было (ср. *Канѣчин-*, *Ольжин-* и т.п.).

21. В берестяных грамотах в системе неэнклитических форм местоимений последовательно представлены: Д.М. *мѡнѣ* (> *мнѣ*), *тобѣ*, *собѣ*; Р.В. *мене*, *тебе*, *себе* (начиная с середины XIV в. изредка встречаются также *мена*, *тебя*, *себя*).

Словоформы Д.М. *тобѣ*, *собѣ* (с огласовкой *о*) явно вошли в древненовгородский диалект из западных говоров. Древне-

кривичский диалект совпадает в этом отношении, с одной стороны, с диалектами Юго-Западной Руси, с другой — с польским и чешским. В ильменско-словенских говорах (не смешанных), очевидно, с древности выступали словоформы Д.М. *тебѣ*, *себѣ* (с огласовкой *e*), т.е. такие же, как в южнославянских языках (а также словацком и лужицких). Считать северновеликорусские *тебѣ*, *себѣ* развившимися вторично (на месте прежних *тобѣ*, *собѣ*), независимо от южнославянских языков, можно лишь исходя из заранее принятого тезиса о существовании монолитного восточнославянского языка.

22. В раннем древненовгородском диалекте в 3-м л. ед. и мн. чисел презенса *-тъ* в большинстве случаев отсутствует, например: *живе*, *възмълъви*, *почьну* 'начнут', *плата* 'платят' (может отсутствовать также *-ств*: *e* 'есть', *въда* 'даст'). Эта черта сохраняется и в дальнейшем, хотя процент примеров с *-тъ* со временем несколько возрастает.

Судя по данным современных говоров, это черта западного происхождения. Отсутствие *-тъ* в двух числах и в обоих спряжениях ставит древние севернокривичские говоры в уникальное положение внутри восточнославянской зоны, поскольку до сих пор в остальных говорах этой зоны *-тъ* (*-т*) либо просто сохраняется, либо утрачено лишь в части форм. Ильменско-словенские говоры (не смешанные) утраты *-тъ* практически не знают; они отражают архаичный тип, максимально противопоставленный севернокривичскому.

23. В императиве мн. и дв. чисел в древненовгородском диалекте еще в дописьменную эпоху обобщились окончания *-ите*, *-ита*, например: *идите*, *крините*, *можите*, *берита* (вместо *идѣте* и т.д.). Данных о том, какие говоры были очагом этой инновации, нет. Отметим лишь, что такое же направление выравнивания представлено в словенском и сербскохорватском языках, а также в западнославянских языках (кроме чешского). Напротив, противоположное направление выравнивания — с обобщением *-ѣте*, *-ѣта* (типа *молѣте*, *молѣта*) — представлено в юго-западной части восточнославянской зоны и в болгарском.

24. В памятниках кривичского ареала и новгородских употребительна словоформа 1 л. мн.ч. *есме*; она 4 раза встретилась также в берестяных грамотах. Изредка окончание *-ме* отмечается в памятниках и у других глаголов (см. Соболевский 1907, с. 161). Это окончание находит параллель в чешском и словацком (отчасти также в среднеболгарском). Напротив, окончание *-мо*, характерное для Юго-Западной Руси и южнославянских языков, в новгородских памятниках отсутствует.

Лексические и синтаксические особенности древненовгородского диалекта мы в настоящей работе не рассматриваем.

* * *

Приведенный перечень явлений позволяет сделать ряд выводов общего характера.

Древненовгородский диалект XI–XII вв. предстает как продукт длительного взаимодействия древнего севернокривичского и древнего ильменско-словенского диалектов, между которыми имелось значительное число различий.

Древний севернокривичский диалект не мог быть ответвлением того диалекта, который бытовал в Юго-Западной Руси и лег в основу "стандартного" древнерусского языка. Между этими двумя диалектами уже в XI-XII вв. имелся целый ряд существенных различий (а именно, в пунктах 1-8, 10, 12, 13, 15, 18, 20, 23, 24 нашего списка). Лишь некоторые из них в принципе могли успеть сформироваться в IX-X вв.; значительная часть этих различий с необходимостью должна быть отнесена к праславянской эпохе. Таким образом, различия между этими диалектами противоречат концепции восточнославянского языка как генетически монолитного ответвления от праславянского языка.

Гораздо лучше соответствует выявленным ныне фактам концепция Г.А.Хабургаева, согласно которой в определенный момент развития праславянского языка наиболее отчетливо выделились две диалектные группы - северная и южная (Хабургаев 1980, § 51-52). Основное уточнение, в котором нуждается эта концепция, состоит лишь в том, что к северной группе относились не все говоры древненовгородской территории, а только кривичские.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. С одной стороны, выделяется северная (точнее, северо-западная) группа диалектов, включающая польский, севернолехитские, лужицкие и севернокривичский. При этом севернокривичский диалект в ряде отношений оказывается самым архаичным представителем всей группы (что связано с ранним отрывом его носителей от родственных племен).

С другой стороны, выделяется юго-восточная группа диалектов, включающая болгарский, сербскохорватский, словенский, ильменско-словенский и южные диалекты восточнославянской зоны. Внутри этой группы обнаруживается, в частности, ряд изоглосс, объединяющих словенско-сербскую зону с ильменско-словенским диалектом и не включающих при этом диалекта Юго-Западной Руси; см. выше пункты 11, 15, 19, 21, 23 (возможно, также 16 и 17). Это значит, что гипотеза о простом расщеплении единой юго-восточной группы на южную и восточную была бы лишь огрубленным отражением фактов. В действительности к моменту географического разделения южных и восточных славян внутри юго-восточной группы уже существовало племенное дробление и начали формироваться различные (в том числе перекрестные) межплеменные языковые связи.

Между двумя основными группами протянулся пояс диалектов переходного или смешанного характера. К их числу относятся древненовгородский, южнокривичский (где, по-видимому, на первоначальные кривичские черты наложился мощный пласт явлений южного происхождения), словацкий, до некоторой степени также чешский. По всей вероятности, к этому же типу следует отнести древние ростово-суздальские говоры, поскольку по данным археологии население этой территории включало ильменско-словенский и кривичский элементы.

Специфические черты, общие для всех восточнославянских диалектов, очевидно, складывались, как и предполагал Г.А.Хабургаев (Хабургаев 1980, § 58-60), уже в эпоху совместного существования соответствующих племен на восточнославянской территории.

ЛИТЕРАТУРА

Глускина 1966 - *Głuskińska Z.* O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich// *Slavia Orientalis*, rocz. XV (1966).

ДАБМ - Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Зализняк 1986 - *Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения// *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.): Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951-1983 гг.). М., 1986.

Иванов 1985 - *Иванов Вяч.Вс.* Отражение индоевропейского *casus indefinitus* в древненовгородском диалекте// *Russian Linguistics*, vol. 9 (1985), N 2-3.

Соболевский 1907 - *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Хабургаев 1980 - *Хабургаев Г.А.* Становление русского языка. М., 1980.